

Дмитрий Манылов

**танцевать
пасодобль**

СТИХИ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

Дмитрий Владимирович Манылов
Танцевать пасодобль.
Сборник стихов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28726551

SelfPub; 2018

Аннотация

Эта книга – о приключениях человека, родившегося в начале 70-х. Стихи сгруппированы хронологически, только это не последовательность их написания, а хронология жизни автора, его друзей и близких с 1990-го по 2017 годы.

Танцевать пасодобль

Дмитрий Манылов

обстоятельства жизни за 25 лет

в стихах

В этом сборнике стихи, написанные мной в разные годы, сгруппированы хронологически. Только это не последовательность их написания, а хронология моей жизни и жизни моих друзей и близких. Случалось, что я писал стихотворение, в котором лирический герой думал и действовал, находился в обстоятельствах, никак не связанных с жизнью автора.

Спустя время оказывалось, что судьба влияла в мизансцену, смоделированную или предугаданную раньше. Или наоборот: сорокапятилетний, я падаю в какой-то отрезок своей прошлой, детской или юношеской жизни, открывая там что-то совершенно новое.

В итоге появилась вот такая стихотворная автобиография, разбитая на ключевые периоды. Автобиография зафиксирована восьмого января две тысячи восемнадцатого года в Петербурге. Посмотрим, что будет дальше.

Появление Пасодобля

Пасодоблем мы назвали свой рок-ансамбль, созданный в

1991 году в Ижевске. Помню, что Андрей, Влад и я – одноклассники, шли мимо кукольного театра, направляясь ко мне в гости с университетской лекции. Идея ансамбля уже появилась, но не было названия.

Потеряв надежду придумать что-то концептуальное, я попросил Андрея, занимавшегося в детстве балетными танцами, перечислить их. Когда он назвал пасодобль, у меня сработало: вспомнилось стихотворение Козьмы Пруткова «Желание быть испанцем». Поиски были прекращены, и новое название ансамбля начало жить своей жизнью, обрстая смыслами.

Теперь метафизический Пасодобль для меня ближе к Лорке с его дуэнде и пятью проворными кинжалами гитариста. Но все равно это русский Пасодобль, хочу это подчеркнуть, хотя, думаю, что и по стихам будет заметно.

Предыстория и Продолжение, 2017 г.

Вы сидите одна,
взявши с полки какое-то чтение,
про потоки вина
и бессмысленные приключения.

Под балконом стоят,
ожидая увидеть воочию,
вдохновляющий взгляд –

эти рыцари из многоточия.

О судьбе, о весне –
упражняемся в стихосложении.
Покажитесь в окне,
бестелесная как наваждение.

Озаренным невеждам,
не снискавшим, увы, уважения.
Проживающим между
предысторией и продолжением.

Песня о Крошке

(крошка станет для меня чем-то вроде блоковской сладкой Н для Михаила Науменко. Только моя Крошка, конечно, другая. Этот манифест сочинен где-то году в 2007-2009).

Кто знает, что умно, что глупо?
Один ослепительный взгляд
– и вмиг разрушаются ступы,
в которых готовился яд.

А я буду петь вам о Крошке.
О Крошке и только о ней.
Я здесь, у нее под окошком
при полной поддержке друзей.

Свет в студию – это понятно,
и незачем прятать глаза,
Но странные белые пятна
настойчиво движутся в зал.

Они не споют вам о Крошке.
Они и не знают о ней.
А я у нее под окошком
при полной поддержке друзей.

Рассыплется все постепенно,
и можно на этом стоять,
Но вся эта лажа нетленна
как запах «Шанель номер пять».

А я буду петь вам о Крошке.
О Крошке и только о ней.
Я здесь, у нее под окошком
При полной поддержке друзей.

Как сверкали дамы полусвета

(Сочинено в 1993 году под впечатлением от Марселя Пруста. У него, кажется в «Пленнице», повествование начинается с того, как герой наблюдает завоевание комнаты дневным светом. И про дам полусвета в его романах достаточ-

но написано.)

Как сверкали дамы в полусвете,
как искрилось солнце в хрусталях -
где следов не видно на паркете,
где пустот не видно на столах.

Солнце присмотрелось, примелькалось,
и как старый бородатый вор,
распласталось, будто расплескалось
на полу, чтоб слышать разговор.

Слышать оппозиционный лагерь.
Видеть конкурирующий блок,
чтобы знать, как лучше разукрасить
свой пустой космический чертог.

Как сверкали дамы полусвета,
бросив вызов солнцу самому.
Ожерелья, кольца и браслеты
позволяя освещать ему.

У трубача герпес

*(Написано в 2010 г. Я здесь цитирую Джона Леннона:
I was the Walrus, but now I'm John. Для него это путь от
иллюзий Мэджикал мистери тур к реализму Пластик Оно*

бэнда. Для меня – от юношеского псевдо-романса к кризису среднего возраста с классическим диалогом духа и плоти.)

У трубача герпес – его труба нема.
Плохому гитаристу мешает экзема.

Вся банда в разладе – весна проходит мимо.
Я раньше был volrus, сегодня я Дима.

У трубача будет, конечно, несварение.
Его опять губит борьба за озарение.

Пусть вылезет ангина, но все что нужно цело,
и банда играет. До прочих нет дела.

До прочих нет дела – до свадьбы заживет.

Трубач надел смокинг и на трубу блески -
выходит Скрипка замуж, но у нее железки.

Опять весна в парке: домой спешат люди,
а банда играет, и всю округу будит.

Не плачьте ночью,
ночью нужно спать,
или любить,

или играть...

Фантазия моя, 1991 г.

Моя жизнь, моя смерть.

Этот «рад», этот «ай».

Уходи от меня -

улетай.

Нет прохода от нового слова,
и никуда от него не денешься.

Оно разрушает все устои
и разрешает все заблуждения.

Кофе, чай и другие
предметы потребления
хороши тем, что создают
творческое настроение.

Моя жизнь, моя смерть.

Этот «рад», этот «ай».

Уходи от меня -

улетай.

Клубный сын

(Я часто вспоминаю один ночной клуб в Ижевске, где в

помещениях бомбоубежища была воссоздана городская улица: скамейки, телефонная будка, витрины заведений. Никогда не был диджеем и не очень люблю ночную жизнь, но могу себе представить. Текст придуман в 2007-2009 годах).

Клубный сын и дочь Луны
только днем смотрят сны.

Только днем,
когда шум машин.
Только в нем –
только в нем их камыши.

Прошуршат
возле спящих тел,
и будет много-много -
много-много разных дел.

Он поёт – ночи напролет
про неё, как она живет.
И о том, как по их следам
входит в дом солнечный жандарм:

он ворчит, он немного пьян,
и хорош, словно Д Артаньян.

Это сон, судя по всему,
но нельзя доверять ему.

Он к тебе
на кровать присел,
а завтра много-много -
много-много разных дел.

Видишь сон, солнце за окном,
и во сне верится с трудом

в то, что ночь выпита до дна.

В то, что спят
стробоскоп и хрустальный шар Луна.

В то что есть музыке предел
И в то, что много-много -
много-много разных дел.

Дым

(Текст 2005 года о метафизическом Ижевске).

Здесь нет неведомых дорожек,
и нет проторенных путей.
И сделаны дома, похоже,
здесь лишь из окон и дверей.

Там так внезапно возникали
из телефонов голоса.
И ручки белые писали
зеленым цветом адреса.

Здесь полисмен, упросивший лошадь
Свернуть, был очень хорошим.
Он мог танцевать за двоих,
и обходится без левой ноги.

Здесь осень в лавке поэта
превращается в лето.

И дамы средней руки,
купившие хлеб, в стихи.

Город мой любимый
– сон наяву.
В нем я живу
ночью и днем.

Это не вальс
и не чарльстон
Это лишь дым -
Дым в унисон

с огнем.

Мой сон,

я в нем.

Хочу стареть как город

(Тоже про Ижевск, но уже 2009 год – это жизнь с пониманием, что где-то здесь невдалеке опять поселилась Настя.)

Я хочу стареть как город,
чтоб стоять воспоминанью
рядом с новым впечатленьем-
в трех трамвайных остановках.

Я хочу стоять как город
в одном городе с тобою,
чтобы было нам уютно
и не скучно на районе,

где мы все произрастали
как цветочки на балконе.

Я хочу лететь трамваем,
и на улице, знакомой
как часов моих стекляшка,
обнаружить перемены.

Очень разные же люди -
большинство моих знакомых.
К счастью, это не мешает
нам ходить одной дорогой.

Где мы все произрастали
и учились понемногу.

Желтый абажур на кухне,
а напротив все в неоне.
За углом фотограф старый
тихо светит красной лампой.

Потому все так сверкает
столь различными огнями,
как изменчивый стог сена
под внимательною кистью.

И мы все произрастаем
В этом ареале жизни.

Поводит носом метроном, 2000 г.

Поводит носом метроном -
не хочется грустить.

Затылок чешет агроном.
Невесело свистит.

Ворон испуганных галдеж
похож на взрыв секунд,
скопившихся, пока ты ждешь
удачную строку.

Чтоб вечером плести вокруг
учительницы сеть.
Ты будешь песни петь, мой друг,
а агроном – свистеть.

Пульс времени звучит для вас,
ваш метроном не врет.
Не нужно знать который час,
но нужно слышать ход.

Рыбы в море говорят, 1996 г.

Рыбы в море говорят
на каспийском, например, языке.
А я очень был бы рад
эту речь носить с собой в бурдюке.

И отхлебывать всю жизнь из него.

А по-русски говорить для чего?

Чтоб по-русски песни петь на дому,
а потом от них балдеть самому.

Обнаружив, что давно денег нет,
сесть и написать «оно» для газет.

Нагоняи получить и аванс,
а потом все просадить в преферанс.

Муза моего Ижевска

Настя Фертикова четырежды начинала жить в нашем городе. Сначала, когда родилась. Потом, приехав с Алтая поступать на худграф универа. В итоге она окончила не ижевский худграф, а свердловскую архитектуру. Потом пожила в Геленджике и вернулась на родину, устав от южного солнца. В четвертый раз Настя вернулась в Иж уже вместе со мной, когда у меня что-то не так пошло в Москве с работой. В моей жизни Настя появлялась два раза с перерывом в пятнадцать лет.

Точка, 1994 г.

(Избушкой я назвал некое подобие хипповской коммуны, организованной студентами в съёмном двухэтажном де-

*ревянном доме. На улице Коммунаров, кстати. А вот про
усадыбу пока ясно только, что там мох и трава на крыше
растут.)*

Ваш фетиш назывался мушкой,
мой фетиш назывался точкой.
Мерцали звезды над избушкой,
и карандаш застыл над строчкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.